

А.В. Шмидт

К проблеме развития раннего неолита на территории лесостепного Алтая

Лесостепной Алтай является ключевой территорией для обширного региона. Он находится на стыке нескольких географических зон: Западной Сибири, Саяно-Алтая, аридной зоны Евразии. В состав лесостепного Алтая входят: Бийско-Чумышская возвышенность, часть верхнеобской долины, Приобское плато, Южно-Приалейская степная провинция или Алейская степь (составная часть Приобского плато), Кулундинская равнина. Для Приобского плато характерно чередование открытых степных участков и ленточных боров, сопровождающих ложбины древних стоков. Кроме этого, здесь большое количество различных по величине озер руслового происхождения. На Бийско-Чумышской возвышенности прослеживается сочетание открытых участков с луговой растительностью, сосновых боров и березовых колков. В целом ландшафт носит ярко выраженный холмистый характер. Кроме этого, возвышенность пересекают несколько рек, являющиеся правыми притоками Оби. Обская долина сочетает в себе пойменные луга и болота, озера руслового происхождения, сеть речных протоков, а также останцы первой надпойменной террасы, которые остаются незатопленными даже в самое высокое половодье. Кулундинская равнина, в свою очередь, является носителем типичного степного ландшафта. С юга лесостепной Алтай обрамляет Предалтайская равнина. Это предгорная зона, характеризующаяся холмистым и низкогорным пейзажем. В ее состав частично входит Рудный Алтай. На востоке границей служит Салаир, а на западе – долина Иртыша. На севере лесостепной Алтай упирается в Барабинскую низменность и северо-западные отроги Салаирского кряжа.

Исследователи традиционно рассматривают историю каменного века Западной Сибири как непрерывную линию развития. На смену верхнему палеолиту приходит мезолит, а на основе мезолита складывается неолитическая эпоха [1–3; и др.]. Многие археологи неоднократно писали о существовании здесь единой культурно-исторической общности племен [3, с. 9; 4, с. 12; 5, с. 71; 6, с. 110; 7, с. 78]. По мнению В.И. Молодина, «можно прогнозировать существование общности, начиная с эпохи верхнего палеолита (финал) и кончая развитым неолитом» [3, с. 9; а также 8, с. 7]. Общность объединялась на основе одинаковых принципов ведения хозяйства. Как следствие, племена имели сходные черты в материальной культуре [3, с. 9; 7, с. 78]. Если в целом для западносибирского региона данная концепция не вызывает нарекания,

то для Верхнего Приобья, а особенно для лесостепного Алтая эта схема требует определенных разъяснений и корректировки.

В настоящий момент на данной территории известно порядка 200 памятников, с которых происходят материалы неолитического облика [9]. Это крупные поселения, кратковременные стоянки и одиночные могилы. Есть несколько палеолитических объектов: Остров-3, Власиха, Мохнатушка-1, Усть-Курья, Кабанье, стоянка в районе с. Бобково и некоторые другие. Однако в нашем распоряжении нет прямых данных, свидетельствующих о существовании мезолитической эпохи на территории лесостепного Алтая. Доводы, приводимые ранее в научной [10, с. 34] и учебной литературе [11, с. 12; 12, с. 28], по мере накопления нового материала потеряли свою актуальность [9, с. 3]. В связи с этим высказывалось предположение, что в эпоху глобальных климатических изменений верхнего плейстоцена древнее население покинуло данную территорию, переселившись в горные и предгорные районы. Аналогичную точку зрения для юга Западной Сибири предложил В.А. Зах: «...в неблагоприятные климатические периоды верхнего плейстоцена человеческие коллективы расселялись на возвышенностях, окружающих равнину с запада, юга и востока...» [13, с. 13]. Если принять эту позицию, то перед нами встает вопрос – когда произошло повторное заселение лесостепного Алтая.

Обращаясь к проблеме распространения неолитических традиций на территории Верхнего Приобья, исследователи неоднократно отмечали, что памятники раннего неолита в регионе до сих пор не выявлены [3, с. 6; 14, с. 264, 265]. Здесь следует привести мнение В.Ф. Старкова, считавшего, что для лесного Зауралья, включая Среднее Прииртышье, раннего неолита, возможно, вообще не было. Вместо него существовали «бескерамические комплексы с кремневым инвентарем пережиточного мезолитического облика» [15, с. 199]. Аналогичного мнения придерживался А.И. Петров [16, с. 36]. Несколько бескерамических памятников с микролитической индустрией обнаружено в Кулундинской степи: Усть-Курья, Кабанье, Береговое, Мелкое-1 [17–19]. Общий анализ каменной индустрии говорит в пользу неолитической принадлежности этих комплексов: общее типологическое разнообразие изделий; многочисленные наконечники стрел; наличие геометрических микролитов (Береговое, Усть-Курья); присутствие шлифованных

орудий и их обломков (Кабанье, Береговое). Учитывая природно-климатические характеристики Кулундинской степи, вполне вероятно, что древние коллективы совершали постоянные перекочевки вслед за мигрирующими стадами. Такой образ жизни не способствовал развитию керамического производства. В связи с чем частично мезолитические традиции могли сохраниться в этом регионе вплоть до начала бронзового века. По мнению В.Ф. Старкова, бескерамические комплексы Кулунды следует относить к эпохе раннего неолита [15, с. 199]. В пользу этого говорит высокий процент изделий, отражающих призматическую технику расщепления: Усть-Курья – 53%; Береговое – 40% [19], а также большое типологическое разнообразие изделий на пластинах. Так, на памятнике Усть-Курья на 151 пластину приходится 24 типа и варианта обработки изделий [19, табл. 2].

Переход от «бескерамического» неолита к «керамическому» на территории Верхнего Приобья осуществился достаточно поздно. По мнению В.А. Заха, этот процесс произошел в развитом неолите [20; 13], хотя из работ М.Ф. Косарева можно сделать вывод, что это осуществилось только на позднем этапе эпохи [14, с. 266]. Однако Кулундинская равнина – это не единственный регион лесостепного Алтая, где получили развитие комплексы раннего неолита.

На юго-западе Обь-Иртышского междуречья, в верховьях рек Аляя и Барнаулки получила свое развитие рубцовская неолитическая культура. Она выделена на основании анализа каменной индустрии региона [21]. К рубцовской культуре отнесены памятники: Павловка-1, Кривое-1, Гульбище, Новенькое-20, 21, Рубцовское поселение, Гусятник-2, Сибирь-3, 5, Калантырь-15, а также серия небольших стоянок в районе Семипалатинска (правобережье Иртыша), объединенных под названием «Семипалатинские Дюны» (рис. 1). В основном древнее население использовало высококачественный камень: яшмоиды, кремь, кварцитовидный сливной песчаник, халцедон и т.п. Это плотные и твердые породы первичного и вторичного окремнения, хорошо колющиеся и пригодные для призматического расщепления и бифасиальной мелкофасеточной обработки. В связи с тем, что Приобское плато – это лесостепной район, камень приходилось доставлять из соседних регионов – Рудного Алтая и Восточно-Казахстанского мелкосопочника [22].

В целом каменная индустрия рубцовской культуры ориентирована на призматическое расщепление. Данный технологический процесс отражает 36–60% каменных артефактов: нуклеусы, технические сколы, призматические пластины, пластинчатые отщепы – всего 71 тип. Наибольшее распространение получили одноплощадочные монофронтальные нуклеусы. Заготовками для них служили кремнистые плитки, речной галечник, отщепы средних размеров. Все ядрища предназначены для получения ровной двух-, трехгранной

пластины мелкой и средней размерности. Крупные призматические сколы представлены малочисленными сериями и составляют менее 5%. Вторичная обработка фиксируется у 42–44% пластин. Техника их оформления отличается большим разнообразием, за счет чего изделия на пластинах получили большое типологическое разнообразие. На призматических сколах изготавливали острия, концевые скребки, резцы (14 типов), резчики, наконечники стрел, скобели и всевозможные вкладыши. Всего по способу оформления можно выделить 42 типа, из которых наибольший интерес представляют изделия, отражающие среднеазиатские традиции камнеобработки: геометрические микролиты (трапеции (рис. 2.-10, 11, 13), параллелограммы (рис. 2.-9), прямоугольники, сегменты), представленные на поселениях единичными экземплярами или малочисленными сериями; вкладыши «гарпунного» типа (разновидность скошенных острий или изделий с асимметричной торцевой выемкой) (рис. 2.-6, 22, 23, 25); пластины с притупленной спинкой (рис. 2.-2–4), а также изделия с притупленной спинкой и торцом (рис. 2.-5, 7, 8), единичные кельтеминарские наконечники (рис. 2.-12, 14). Функциональное использование призматических сколов отличается большим разнообразием. Однако основная масса шла на изготовление вкладышей составных орудий, прежде всего мясных ножей (рис. 2 – 18, 26) (преобладают средние пластины) и колюще-метательного оружия (преобладают мелкие пластины) (рис. 2.-2–10, 13, 22, 25).

Отщепы и изделия на них в материалах рубцовской культуры составляют 40–59,2% индустрии. При этом характерно почти полное отсутствие нуклеусов, предназначенных для снятия отщепов. Исключением являются разовые ядрища и нуклевидные изделия, представленные на поселениях единичными экземплярами. Это дает основание полагать, что отщепы являются продуктом оформления преформ и призматических нуклеусов, а также отходами производства более крупных орудий. На них изготавливали скребки (11 типов), скобели (6 типов), резцы (16 типов), резчики, острия (3 типа, 6 способов оформления), шиповидные орудия, тесла и другие (всего 51 тип орудий). Макроформы (рубящие орудия, мотыга, отбойники-ретушеры) на поселениях представлены малочисленными сериями и составляют менее 1%. Кроме этого, они получили слабое типологическое разнообразие. Общий облик каменной индустрии дополняют рыболовные стерженьки. Несмотря на типологическое разнообразие, изделия выдержаны в одном стиле. Это вытянутые стержни, имеющие на оконечностях круговые нарезки, насечки либо хорошо выделенные головки, служившие, очевидно, для крепления лinya (рис. 2.-32, 33).

Бифасиальная техника в это время не получила широкого использования. В основном она применялась при оформлении определенных категорий изделий – долот (4 типа), рубящих орудий, наконечников

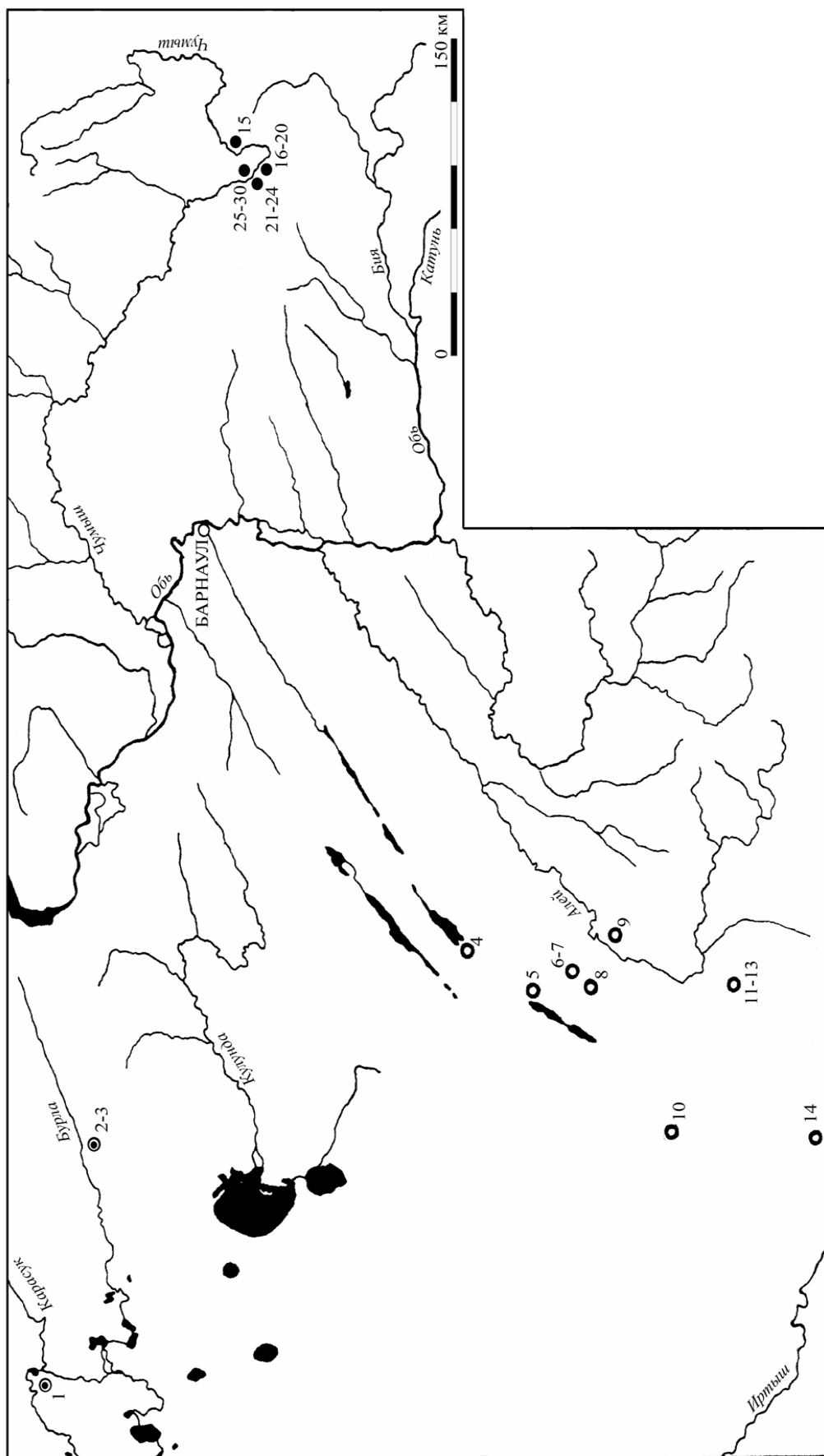

Рис. 1. Расположение памятников раннего неолита. ● – памятники рубцовской культуры; ● – памятники корначакской культуры.
 1 – Мелкое-1; 2 – Усть-Курыя; 3 – Береговое; 4 – Гусятник-2; 5 – Гульбище; 6 – Сибирь-3; 7 – Сибирь-5; 8 – Кривое; 9 – Рубцовское поселение;
 10 – Павловка-1; 11 – Новенькое-20; 12 – Новенькое-21; 13 – Калантырь-15; 14 – Семипалатинские доны; 15 – Черемшанка; 16 – Усть-Васиха;
 17 – Степь-Чумыш; 18 – Победа; 19 – Коврижка-1; 20 – Коврижка-2; 21 – Курноса-1; 22 – Корначак-1; 23 – Корначак-2; 24 – Куок-1;
 25 – Усть-Шемониха-1; 26 – Усть-Шемониха-6; 27 – Широкий Лог-1; 28 – Широкий Лог-2; 29 – Широкий Лог-4; 30 – Октябрьский-2

(3 типа), некоторых видов острий. Общее число бифасов не превышает 2% от общего состава каменной индустрии. Еще меньшее распространение получили орудия с подшлифовкой – менее 1,5% [9].

Посуда рубцовской культуры представлена остро- и круглодонными формами. Венчик слегка отогнут наружу. Толщина стенок составляет 0,3–1,2 см при среднем показателе 0,6–0,9 см. В районе дна толщина может достигать 2 см. Диаметр сосудов 11,5–28 см. В качестве отощителя добавляли дрсву и шерсть животных (определения к.и.н. Н.Ф. Степановой). В оформлении керамики можно проследить несколько орнаментальных традиций: прочерченный орнамент – 12,1% (рис. 2.-28–30), гребенка – 11,3% (рис. 2.-36), наклы гладкого орнамента – 6,1% (рис. 2.-34). Однако наибольшее распространение получила неорнаментированная посуда – 51,7% (рис. 2.-35). Интересен тот факт, что на некоторых сосудах орнамент нанесен с внутренней стороны (рис. 2.-30, 31).

Свое развитие культура получила в лесостепной зоне, сочетающей в себе многочисленные озера, сосновые ленточные боры и открытые степные участки. При этом рубцовское население не привлекли низкогорья Рудного Алтая и степи Кулундинской равнины. В планиграфии местности для всех памятников характерны три фактора:

- наличие водоема (озеро, ручей, река);
- близость соснового бора либо березового колка;
- наличие открытых степных участков.

По хозяйственной направленности поселения рубцовской культуры можно разделить на два типа:

1. Стоянки, где основным занятием неолитического населения была охота. На этих памятниках вкладыши оружия и мясных ножей составили соответственно: Гусятник-2 – 50 и 21,4% всех пластин, просмотренных под микроскопом; Рубцовское поселение – 33 и 10,5% (определения к.и.н. Н.Ю. Кунгуровой). Эти объекты расположены в пойменной зоне водоемов.

2. Поселения, на которых в основном перерабатывали охотничьи трофеи. Здесь соотношение вкладышей колюще-метательного оружия и мясных ножей составило: Павловка-1 – 17 и 46%; Кривое-1 – 13,7 и 55,4% [10, с. 30; 23, с. 59]. Эти поселения занимают надпойменные террасы.

По всей видимости, население рубцовской неолитической культуры вело полукочевой и кочевой образ жизни. В пользу этого вывода говорит отсутствие на поселениях следов долговременных жилищ. Большинство памятников – это временные охотничьи лагеря. Кроме этого, есть поселения, расположенные в пойме, что свидетельствует об их сезонном характере.

Очевидно, в основе хозяйственной деятельности носителей рубцовской неолитической культуры была охота. В пользу этого свидетельствуют многочисленные вкладыши охотничьего оружия, каменные нако-

нечники стрел и дротиков. Кроме оружия о высоком уровне охоты свидетельствует большое количество скорняжных инструментов, обнаруженных на поселениях. Для обработки шкур использовали изделия из камня, кости, керамики и, вполне вероятно, дерева, а также вкладышевые струги. Типологическое разнообразие инструментов позволяет предполагать, что спектр промысловых животных отличался большим разнообразием. К сожалению, остеологический материал из зоны исследования представлен единичными разрозненными сведениями, не позволяющими в полной мере судить о видовом составе промысловых животных.

В материалах некоторых поселений есть предметы рыболовного промысла – стерженьки и грузила для сетей. Но, по всей видимости, данная отрасль в хозяйственной жизни древнего населения носила вспомогательный сезонный характер. Еще меньше в нашем распоряжении данных, свидетельствующих о наличии земледелия в неолите лесостепного Алтая. В настоящий момент здесь известна всего одна каменная мотыга, обнаруженная на Рубцовском поселении (рис. 2.-1). Кроме этого, многочисленные трасологические определения не выявили ни одного вкладыша жатвенного ножа.

Каменные артефакты, подчеркнувшие самобытность рубцовской культуры (геометрические микролиты, вкладыши гарпунного типа; пластины с одним притупленным краем и их варианты с подработанным торцом; единичные кельтеминарские наконечники), находят прямые аналогии в ранне- и средненеолитических комплексах Казахстана, Средней Азии, южной зоны Волго-Уральского междуречья [24–26].

Общий облик керамики рубцовской культуры, учитывая неорнаментированную и слабоорнаментированную посуду, находит близость с ранне- и средненеолитическими комплексами Приаралья, Поднепровья, Южного Урала, Зауралья и Верхнего Приобья [7, с. 10–25; 24; 27; и др.]. Прямые аналогии происходят с памятников южной зоны Волго-Уральского междуречья – с Ивановской и второй Старо-Елшанской стоянок – так называемая керамика елшанского типа [28, с. 14–33].

Таким образом, каменная индустрия и керамика рубцовской культуры находят близость с ранне- и средненеолитическими комплексами Средней Азии, Казахстана, Южного Урала, Волго-Уральского междуречья. Для этих территорий исследователи выделяют джейтунскую (Прикаспий), атбасарскую (Тоболо-Иртышское междуречье), чебаркульскую (Южное Зауралье), махантжарскую (Притоболье), волго-уральскую, сурско-днепровскую и некоторые другие культуры и типы памятников. По мнению исследователей, все эти комплексы находят определенную близость с кельтеминарскими материалами. Кроме этого, перечисленные культуры развивались

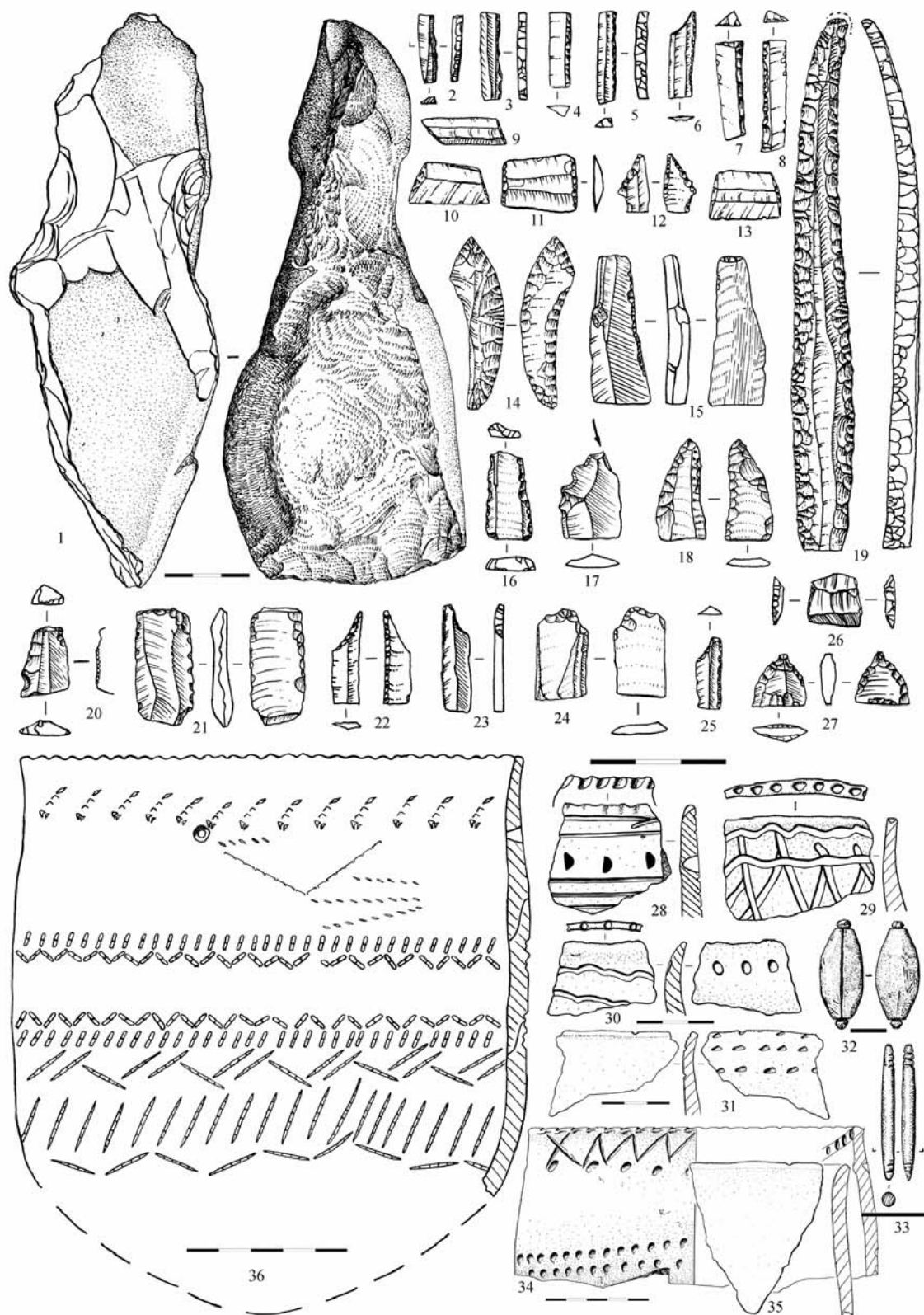

Рис. 2. Материалы рубцовской неолитической культуры:
 1-3, 15-18, 20, 21, 25 – Рубцовское поселение; 4, 7, 8, 12 – Кривое-1; 6, 14, 19 – Гульбище;
 9, 10, 13 – Павловка-1; 23, 24, 36 – Гусятник-2; 11 – Сибирь-3; 22 – Калантырь-15

в схожих природно-климатических и ландшафтно-географических условиях. Вероятно, для неолитического населения этих регионов существовали схожие пути исторического развития с единым хозяйственно-культурным типом. В этой связи есть мнение о бытовании так называемой кельтеминарской общности [24]. Если принять эту позицию, то территорию рубцовской культуры следует рассматривать как восточную периферию распространения этой общности. Тем более, что рубцовские комплексы имеют хорошо выраженные сходства с ранним этапом кельтеминара.

По мнению А.В. Виноградова [24, с. 162], распространение среднеазиатских традиций в северном и восточном направлении обусловлено двумя факторами:

- перенаселенность;
- изменения климатической обстановки.

По мнению исследователей, в конце VII тыс. до н.э. начинается процесс постепенного потепления и аридизации климата (атлантический оптимум). За счет этого в Средней Азии происходит значительный сдвиг пустынь и полупустынь в северном направлении. Для Казахстана и юга Западной Сибири данный процесс обусловлен расширением степных и лесостепных зон. В связи с этим происходит изменение всей экосистемы [29–31], что вынуждает неолитическое население южных районов искать более благоприятные условия для проживания.

Распространение среднеазиатских традиций в южной зоне Обь-Иртышского междуречья осуществлялось, вероятнее всего, через Южно-Приалейскую степную провинцию. Именно здесь обнаружены наиболее ранние неолитические памятники лесостепного Алтая. Кроме этого, Алейская степь является не только составной частью Приобского плато. Это еще своеобразные «ворота» из Прииртышья в Приобье, «подпертые» с одной стороны горами Рудного Алтая, а с другой – лесами и болотами, расположенными на южной границе Кулундинской равнины.

К сожалению, для неолитических комплексов южной зоны Обь-Иртышского междуречья отсутствуют естественно-научные датировки. В этой связи приходится ориентироваться на хронологические построения для сопредельных регионов (Средней Азии, Волго-Уральского междуречья, Казахстана, Зауралья, Южной Сибири и некоторых других) и использовать метод датированных аналогий.

Каменная индустрия памятников рубцовской культуры ориентирована на призматическое расщепление. Подобная черта характерна для комплексов раннего и среднего неолита. Данный период развития общества для территории Волго-Уральского междуречья Н.Л. Моргунова датирует концом VII–VI тыс. до н.э., возможно, с заходом в V тыс. до н.э. [28, с. 59]. В.Ф. Зайберт памятники этого времени в Северном Казахстане предлагает относить к концу VII–V тыс.

до н.э. [25, с. 103]. На основании серии радиоуглеродных дат комплексы раннего-среднего неолита Горного Алтая исследователи датируют концом VII – 2-й половиной V тыс. до н.э. [32, с. 15]. Для территории Западной Сибири начало неолитической эпохи относят к VI тыс. до н.э. [13, с. 146; и др.]. Наиболее ранняя дата данного региона происходит с комплекса Сопка-2/1 – 8005±100 лет назад [33, с. 27]. Чтобы скорректировать хронологическую позицию памятников рубцовской неолитической культуры, необходимо привлечь конкретный археологический материал.

Для большинства типов каменных артефактов характерно широкое временное и территориальное распространение. Относительно узкую хронологическую дату дают только некоторые виды изделий. В основном это орудия на призматических сколах. Пластины с притупленной спинкой и ретушированным торцом на территории Тоболо-Иртышского междуречья использовали на протяжении мезолита, раннего и среднего неолита [25, с. 117]. Для Восточного Казахстана В.К. Мерц предложил ограничить датировку данного типа изделий неолитической эпохой. При этом верхняя граница его бытования не выходит за пределы V тыс. до н.э.

Геометрические микролиты (трапеции, параллелограммы) и вкладыши гарпунного типа Н.Ю. Кунгурова отнесла к одним из наиболее ранних видов неолитических изделий региона. Верхняя хронологическая позиция их бытования не выходит за пределы V тыс. до н.э. [23].

Немаловажную роль в решении проблемы хронологии памятников рубцовской культуры играет керамический комплекс. В целом слабоорнаментированную и неорнаментированную неолитическую керамику Восточной Европы исследователи датируют концом VII–V тыс. до н.э. Для волго-уральской культуры хронологию керамики елшанского типа определяют VI–V тыс. до н.э. Верхняя граница обусловлена датой с поселения Ракушечный Яр на нижнем Дону – это 6070±100 лет от наших дней [28, с. 59]. В комплексах верхневолжской культуры неорнаментированную посуду относят к VI–V тыс. до н.э. [34, с. 41, 72]. На нижнем Приишимье данный тип керамики датируется VI тыс. до н.э. [13, с. 144].

Таким образом, исходя из вышеизложенного материала, автор предлагает комплексы рубцовской неолитической культуры отнести к эпохе раннего-среднего неолита и датировать их VI–V тыс. до н.э.

Если провести сравнение рубцовских и кулундинских комплексов, то можно проследить ряд принципиальных отличий. В Кулунде среднеазиатские черты нашли свое выражение в значительно меньшей степени, чем в Южно-Приалейской степной провинции. В основном это геометрические микролиты, представленные исключительно сегментами [19, рис. 2, 3]. Вероятно, в раннем неолите на лесостеп-

ной Алтай оказали влияние различные территории: на Кулундинскую равнину – Зауралье; на Алейскую степь – Средняя Азия. Следовательно, среднеазиатские традиции в Кулунде проявились через опосредованное воздействие. Кроме этого, население этих регионов развивалось в различных природно-климатических условиях. Кулундинская равнина представляет собой засушливую степь, а Южно-Приалейская степная провинция – это лесостепная территория с многочисленными озерами. Это обстоятельство, вероятно, также повлияло на общий облик материальной культуры. К сожалению, наши представления о неолите Кулунды носят фрагментарный характер, в связи с чем мы можем делать только осторожные предположения.

Если в раннем-среднем неолите археологические памятники располагались только в западных областях региона (Алейская степь и Кулунда), то в IV тыс. до н.э. комплексы новокаменного века, но уже с поздненеолитическими традициями обработки камня и украшения керамики получили распространение по всему югу Обь-Иртышского междуречья. При этом среднеазиатские черты, характерные для рубцовской культуры, в позднем неолите прекратили свое бытование. Камень по-прежнему поступал из Восточного Казахстана, причем для некоторых районов обского левобережья казахстанский мелкосопочник являлся основным источником сырья, например, для центральных областей Приобского плато.

Что касается правобережного лесостепного Алтая (Бийско-Чумышская возвышенность), то в настоящий момент нет оснований говорить о наличии здесь памятников раннего неолита. Наиболее древние даты происходят с могильника Большой Мыс на оз. Иткуль – 3980 ± 135 и 3940 ± 145 лет до н.э. [35, с. 57], т.е. начало IV тыс. до н.э., что соответствует позднему неолиту. Однако на самой границе Бийско-Чумышской возвышенности и западных отрогов Салаирского кряжа выявлена целая серия памятников, отнесенных исследователями к раннему-среднему этапу неолитической эпохи [36].

Данная территория характеризуется сочетанием низкогорного ландшафта с многочисленными цокольными выходами (правый берег Чумыша) и открытой холмистой местностью с множеством березовых колков (левый берег Чумыша). Основной водной артерией является Чумыш. В большинстве случаев памятники приурочены к 15–20-метровым террасам (Корначак-1, Корначак-2, Усть-Шамониha-1, Усть-Шамониha-6, Широкий Лог-1, Широкий Лог-4), либо они находились на невысоких останцах коренного берега, расположенных в пойменной зоне (Коврижка-1, Коврижка-2).

В основе каменной индустрии лежит ярко выраженная двухкомпонентность, обусловленная различным сырьем, который использовался в хозяйственных

нуждах. Первый компонент связан с расщеплением пород, традиционных для каменного века. Это – кремь, доставлявшийся с Кивдинского массива Салаира и юго-западных отрогов Горной Шории; порфир, широко представленный в северо-западных отрогах Салаирского кряжа; халцедон, горный хрусталь, яшмоиды, доставлявшиеся сюда из Горного Алтая; а также кварцитовидный сливной песчаник. Пока не совсем понятно, откуда привозили последнюю породу. Известные выходы этого камня находятся на р. Томи и в Восточном Казахстане [37, с. 14–16]. Однако оба этих источника слишком удалены от западных границ Салаирского кряжа. Часть поделочного камня в виде галечника брали из бечевника Чумыша. Второй компонент каменной индустрии корначакской культуры связан с расщеплением алевролита – породы местного происхождения. Это достаточно хрупкий камень осадочного происхождения, сложенный более чем на 50% частицами размером 0,01–0,1 мм. В других регионах Алтая данная порода для изготовления орудий не использовалась [36, с. 103; 38, с. 13].

В основном расщепление пород первого компонента ориентировано на получение мелких и средних призматических пластин. Нуклеусы, с которых скалывали пластины, представлены преимущественно двумя типами: концентрическими и конусовидными. В материалах поселений зафиксированы многочисленные технические снятия, представленные реберчатými сколами, сколами подновления площадок, латералей, фронтов. Призматические пластины шли на изготовление вкладышей составных орудий, боковых резцов, клювовидных резчиков, концевых скребков и некоторых других типов изделий. Орудия на отщепках малочисленны и не создают длинных типологических рядов. Из них изготавливали скребки, скобели, резцы. Известен один нож-бифас с поселения Усть-Васиха-2. Часть отщепов ретушировалась и использовалась в качестве разовых орудий [39, с. 42].

Обращает на себя внимание то, что основная масса каменных артефактов первого компонента индустрии несет на себе следы утилизации, т.е. функционального использования. Не употреблялись в работе только мельчайшие отщепы и чешуйки, составляющие до 20% всех находок. Эти факты свидетельствуют, что неолитическое население западных отрогов Салаирского кряжа испытывало определенный дефицит в поделочном камне. Нехватка качественного сырья вынуждала людей использовать для трудовых операций даже сколы обновления с нуклеусов. Все они имеют дополнительную (вторичную) обработку. Наиболее ярко это выразилось в оформлении небольшого тесла с подшлифовкой из призматического нуклеуса с поселения Усть-Васиха-2. Многие пластины предельно утилизированы и изношены, вплоть до завальцованности кромок. Все призматические сколы без вторичной обработки несут на себе следы работанности и фрагментирования.

Дефицит поделочного камня стал объективной причиной для развития второго компонента каменной индустрии. Расщепление алевролита принципиально отличается от расщепления традиционных поделочных пород эпохи неолита. В основном оно требовало использования приемов камнеобработки, сложившихся еще в среднем и верхнем палеолите. Так, часть заготовок древние мастера скалывали с плоскостных «постлеваллуазских нуклеусов». В результате полученные артефакты имеют явные «леваллуазские» ассоциации. Также применялась техника радиального скалывания. Об этом говорит облик некоторых изделий. Кроме этого, использовался долечный способ расщепления алевролита («постцитрон») [39, с. 42]. Подобные технологии широко применялись в среднем палеолите. Интересен тот факт, что долечная техника («цитрон») использовалась и для раскалывания небольших кремнистых галек с бечевника Чумыша. К алевролиту древние мастера также пытались применять принципы призматического расщепления. Об этом свидетельствует целая серия пластинчатых отщепов и пластиноподобных предметов средней и мелкой размерности, обнаруженная на памятнике Усть-Васиха-2. К сожалению, соответствующих нуклеусов здесь не найдено. Алевролитовые сколы в основном использовались для разовых режущих и скребущих операций.

Также неолитическое население Причумышья для изготовления орудий использовало целые речные гальки. Из них делали отбойники, абразивы, терочки, рубящий инструмент (чоппер, тесло-бифас) [39, с. 42–43].

Особый интерес вызвали плитки с процарапанным орнаментом, найденные на поселении Корначак-2 [36, рис. 1]. В похожей манере выполнен орнамент на плитке с памятника Тыткескень-2, культурный горизонт 5А, который датируется исследователями серединой – 2-й половиной V тыс. до н.э. [40, с. 81, 98, рис. 50, фото 8].

Керамический комплекс неолита Причумышья пока изучен слабо. Как и в других регионах Алтая, керамика является достаточно редкой находкой в поселенческих материалах. На однослойных поселениях, таких, например, как Корначак-2, она представлена мелкими единичными фрагментами плохой сохранности, не позволяющих выдвигать полноценных гипотез. В связи с чем изучение керамического комплекса неолита Причумышья является делом будущего, когда расширится база накопленного материала.

По скоплению древесного угля из очага с однослойного поселения Корначак-2 получена радиоуглеродная дата 7340 ± 175 л.н., или 5390 ± 175 лет до н.э. (СО АН – 2990). Это дало основание датировать неолитические комплексы Причумышья VI–V тыс.

до н.э. [36] или даже VII–V тыс. до н.э. [39, с. 40]. А.Л. Кунгуров предложил объединить памятники региона в единую археологическую культуру: «Даже предварительное изучение материалов эпохи неолита Верхнего Причумышья позволяет локализовать в этом районе своеобразную культуру, которую можно назвать «корначакской» по однослойному поселению Корначак-2» [36, с. 103, 104].

То, что каменная индустрия неолитических комплексов Верхнего Причумышья характеризуется своеобразными отличительными чертами, не свойственными комплексам других территорий, бесспорно. Однако наши сведения о керамическом комплексе крайне скудны. Мы ничего не знаем о погребальном обряде. Из-за малой вскрытой площади на объектах можем делать только осторожные предположения относительно планиграфии поселений. В связи с этим в нашем распоряжении еще слишком мало данных, чтобы можно было уверенно заявлять о существовании в регионе «своеобразной культуры». По мнению автора данной работы, на сегодняшний день более логично говорить о существовании в Верхнем Причумышье своеобразного типа памятников, за которым следует оставить название, предложенное А.Л. Кунгуровым, – «корначакский».

Таким образом, проанализировав материалы лесостепного Алтая, мы можем констатировать о существовании на данной территории как минимум трех культурных традиций эпохи раннего-среднего неолита:

1. Комплексы Кулундинской степи. Для них характерен высокий процент каменных артефактов, отражающих принципы призматической техники расщепления, а также отсутствие керамики.

2. Рубцовская неолитическая культура. Для памятников данной культуры свойственно большое количество изделий на призматических пластинах. Керамика кругло- и остродонная, преимущественно без орнамента. Каменный инвентарь и керамический комплекс находят прямые аналогии на памятниках раннего и среднего неолита Средней Азии.

3. Комплексы Верхнего Причумышья. Дефицит поделочного камня способствовал развитию технологии обработки алевролита – породы, слабо отвечающей требованиям камнеобработки.

Все представленные культурные традиции занимают относительно небольшую территорию в рамках лесостепного Алтая и расположены на значительном удалении друг от друга. Поэтому делать предположения о вероятных контактах между ними пока преждевременно. Дальнейшие исследования в этой области позволят существенно расширить наши представления о древней истории региона в раннем неолите.

Библиографический список

1. Бобров, В.В. Стоянка каменного века на оз. Большая Берчикуль / В.В. Бобров // Историческая этнография: Традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. – Л., 1983. – Вып. 2.
2. Бобров, В.В. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия / В.В. Бобров // Археология Южной Сибири. – Новосибирск, 2003.
3. Молодин, В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья / В.И. Молодин // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985.
4. Старков, В.Ф. О месте памятников с волнисто-ребренчатой керамикой в неолите Зауралья / В.Ф. Старков // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 7.
5. Косарев, М.Ф. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке / М.Ф. Косарев // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 7.
6. Матющенко, В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (верхнеобская неолитическая культура) / В.И. Матющенко // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 9.
7. Молодин, В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья / В.И. Молодин. – Новосибирск, 1977.
8. Молодин, В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.И. Молодин. – Новосибирск, 1975.
9. Шмидт, А.В. Неолит Приобского плато : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Шмидт. – Барнаул, 2005.
10. Кирюшин, Ю.Ф. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка-1 / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ю. Кунгурова // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1984.
11. Очерки истории Алтайского края. – Барнаул, 1987.
12. История Алтая : учеб. пособие. – Барнаул, 1995. – Ч. 1.
13. Зах, В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья / В.А. Зах. – Тюмень, 2003.
14. Археология. Неолит Северной Евразии. – М., 1996.
15. Старков, В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья / В.Ф. Старков. – М., 1980.
16. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994.
17. Косарев, М.Ф. Древние памятники Кулундинской степи / М.Ф. Косарев, А.В. Куйбышев // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 15.
18. Куйбышев, А.В. Древние стоянки Кулунды / А.В. Куйбышев // КСИА. – М., 1976. – №148.
19. Кунгуров, А.Л. Микролитические памятники Кулунды / А.Л. Кунгуров, В.С. Удодов // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993.
20. Зах, В.А. О культурной принадлежности неолитических памятников Присалаирья и Приобья / В.А. Зах // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988.
21. Кунгуров, А.Л. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское / А.Л. Кунгуров, А.В. Онников, А.А. Тишкин // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово, 1999.
22. Лузгин, Б.Н. Геологическое доказательство местного происхождения каменного материала из археологических памятников северо-западных предгорий Алтая / Б.Н. Лузгин // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.
23. Кунгурова, Н.Ю. Развитие каменной индустрии в неолите Юго-Западного Алтая / Н.Ю. Кунгурова // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987.
24. Виноградов, А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья / А.В. Виноградов. – М., 1981.
25. Зайберт, В.Ф. Атбасарская культура / В.Ф. Зайберт. – Екатеринбург, 1992.
26. Чалая, Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки-1, 2 / Л.А. Чалая // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972.
27. Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск, 2000.
28. Моргунова, Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья / Н.Л. Моргунова. – Оренбург, 1995.
29. Хотинский, Н.А. Голоцен Северной Евразии / Н.А. Хотинский. – М., 1977.
30. Орлова, Л.А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология) / Л.А. Орлова. – Новосибирск, 1990.
31. Лаврушин, Ю.А. Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р. Самара / Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова // Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург, 1995.
32. Кирюшин, К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тьткескень-2 : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.Ю. Кирюшин. – Новосибирск, 2004.
33. Молодин, В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла) / В.И. Молодин. – Новосибирск, 2001. – Т. 1.
34. Жилин, М.Г. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья / М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин и др. – М., 2002.
35. Кунгурова, Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая / Н.Ю. Кунгурова. – Барнаул, 2005.
36. Кунгуров, А.Л. Неолит Верхнего Причумышья / А.Л. Кунгуров // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – Вып. VIII.
37. Малолетко, А.М. Источники кремнистого сырья для производства орудий (эпохи камня и металла) / А.М. Малолетко // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы. – Барнаул, 2000.
38. Кунгуров, А.Л. Камень как полезное ископаемое древних обществ Алтая / А.Л. Кунгуров // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. – Барнаул, 2000.
39. Кунгуров, А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха-2 на Верхнем Чумыше / А.Л. Кунгуров // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.
40. Кирюшин, К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тьткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.) / К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул, 2008.